

тружеников двух частей острова.

В «Добром генерале Солнце» захватывает развернутая автором широкая панорама жизни его страны. Вот они — гаитянские рабочие, крестьяне, ремесленники — на улицах грязных предместий Порт-о-Пренса, в деревнях, на сахарных плантациях Доминиканской республики. Они трудятся в маленьких, полукустарных мастерских, сообщая восстанавливают погубленные наводнением поля, танцуют вечерами после длинного трудового дня, тщетно молят о милосердии своих грозных богов. Погибая от фашистских пуль, они поют «Дессалиниану» — светлый и торжественный национальный гимн, сложенный в давние годы борьбы против рабства.

Прекрасные массовые сцены, умение воссоздать конкретный и глубоко волнующий читателя образ гаитянской современности — едва ли не самая сильная сторона творчества Алексиса.

Пестрая жизнь многоцветно переливается в романе. Естественно соседствуют в нем резкое обличение циничного, развращенного «светского общества» и тяготящих к нему сфер и высокий, порой скорбный, но неизмен-

но жизнеутверждающий пафос. Он появляется там, где Алексис с огромной любовью говорит о родной земле, о простом человеке Гаити — достойном преемнике героических традиций предков.

Страстная человечность дает писателю силы в далеко не легких условиях нести народу свет правды, в полный голос говорить о грязи, жестокости и великих обещаниях эпохи.

Литературный (и официальный) язык Гаити — французский, но широкие массы народа говорят по-креольски — на диалекте, сочетающем элементы французского и африканских языков. Известное количество «креолизмов» проникает и в литературу. Сложность языка, недостаточность наших представлений об истории, культуре и быте страны чрезвычайно затрудняли работу переводчика. Кроме того, надо учесть, что у нас почти не было опыта переводов гаитянской прозы. Но может ли это служить оправданием неточности и небрежности, которые встречаются в переводе романа?

В русском издании то и дело мелькают загадочные, ставящие в тупик неискушенного читателя слова:

гойявы, короссоли, чуросы, бокоры, праделисты, мабуин, мапу, папалуа. И нужно ли переводить «lurapag» как «лупанарий» — словом малоупотребительным, если общедоступный словарь Ганшиной утверждает, что это всего лишь дом терпимости? Зато вряд ли стоило переводить второе имя героини и называть Клер-Эроз Счастливицей Клер. Из контекста следует, что «Heureuse» — имя: не станет же девушка при знакомстве сообщать свое прозвище. Или, скажем, в переводе можно встретить девочку, у которой шея «резко отделялась от плеч».

У переводчика непринужденно и легко звучит диалог, несобственно прямая речь; хорошо переданы в книге жанровые сценки. Но порой обезцвечивается мужественная, без тени слащавости патетика, в высшей степени свойственная стилю Алексиса.

Глубже понять роман Алексиса помогает содержательное предисловие Е. Л. Гальпериной, которое ориентирует читателя в новой для него области, знакомой с творчеством передового художника слова Гаити, с жизнью его страны.

И. Никифорова

РОЖДЕННАЯ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Новая поэзия Китая. 1919—1958. Переводы с китайского. Составление Н. Т. Федоренко. Москва, Гослитиздат, 1959. 543 стр.

В огне революционных бурь рождалась новая китайская поэзия, голос которой звучал, как голос будущего. Вся она была протестом против слащавых красот старой поэзии правящего класса, против ее мертвого языка, непонятного народу. В сборнике «Новая поэзия Китая» соб-

раны произведения разных и, главное, хороших поэтов. В их стихах зримо и ярко встает прошлое и настоящее Китая. Нельзя остаться равнодушным, читая стихотворение Лю Фу «Голод», где страшная действительность старого Китая, данная в непосредственном восприятии ребенка, поражает именно обычностью, каждодневностью страдания. Или стихи о Ленине. Молодой поэт Ли Цзи показывает Ленина таким, каким тот памятен сердцам простых китайских крестьян: будто живой сходит к нам со страниц этот самый человечный из людей, такой понятный и близкий крестьянам, словно он «родился в китайской деревне!»

Кончилась война, зажива-

ют раны на теле страны. Фронт проходит теперь по

кооперативным полям и новостройкам. Как к амбразуру дота, в отверстие прорванной плотины бросаются новые герои и отдают свою жизнь, спасая от разбушевавшейся стихии тысячи семей. И тут же — стихи о красной магнолии, которая, словно кисточка для письма, пишет невидимые поэмы по голубому полю неба, о скромной дикой розе и, наконец, чудесные строки Вэнь И-до, в которых поэт воспеваает «Хризантему —

красу моей славной отчизны, и отчизну, прекрасную, как хризантемы!»

Целая гамма чувств проходит перед нами в стихах о любви. У Го Мо-жо они словно подернуты легкой дымкой грусти и нелегких раздумий, которые вдруг охватывают человека, прощающегося со своей юностью. У Инь Фу любовь, полная бездумного наслаждения молодостью, постепенно уступает место более высокому чувству любви к

людям, которая ведет поэта на борьбу за счастье миллионов.

Не все произведения, отобранные для сборника, одинаково удачны.

Чувство досады вызывают встречающиеся порой неудачные переводы. Однако несомненно, что в отношении переводческого мастерства этот сборник стоит значительно выше прежних изданий.

И. Лисевич

КРЫЛАТАЯ ПОЭЗИЯ

□

Д. Максимович. Запах земли. Стихи. Перевод с сербохорватского. Вступительная статья В. Инбер. Москва, Гослитиздат, 1960. 167 стр.

□

«Запах земли» называется сборник стихов Десанки Максимович. Как часто названия поэтических сборников не имеют никакого отношения к тому, что заключено между тонкими корками переплета. Но в этой небольшой книжке каждое стихотворение, любая строфа действительно пронизаны, насыщены запахом земли, запахом снега, леса, воды, дыханием самой жизни. Мне трудно говорить без волнения о творчестве Десанки Максимович, настолько близко оно моему сердцу, так совпадает с моим представлением о самой сущности поэзии.

Есть у Десанки Максимович строки:

Детство... ты полно
удивленья,
Что длится еще и
доныне.

Замечательно сочетается в ее стихах это «удивление детства» с мудрым и глубоким пониманием, которое дается только долгими годами нелегкой жизни и только людям с большой и щедрой душой.

Насколько цельным представляется творчество Де-

санки Максимович, настолько стихи ее не похожи друг на друга. Бесхитростная лирическая жалоба и строки, полные горечи и гнева, ясная умиротворенность и счастливая тревога — все это живет в книге, и все это — Десанка Максимович.

Поэтесса любит землю, родину, людей. Она любит жизнь. Она говорит о том, что видит, что ощущает; но так велик ее дар видения, так умеет она проникать в самую суть вещей, что перед нами открывается совершенно особый мир, переполненный красками, запахами, звуками, сложный и трепетный:

когда я слушаю
утренний лес,
голос птицы, потерявшей
рассудок от счастья,
и мальчишеский крик
ручья,
и шепот листьев, согретой
дыханием лета, —
слушаю юный,
распахнутый настежь,
трепетный мир
в колыпании тени и
света, —
я начинаю себя
понимать.

(«Поэт и отчизна», перевод М. Ваксмахера)

Этот мир органически слит с личностью поэта. Десанка Максимович родилась и выросла в нем. Ручейки, бегущие из далеких краев детства, провожают ее через всю жизнь, не теряя волшебства, только становясь глубже и полноводнее. Но никогда поэзия Десанки Максимович не становится приземленной. Это крылатая поэзия, хотя родина

ее — земля. Жизнь — это самое главное. Она прекрасна и трудна. В ней существует любовь, но в ней существуют также одиночество и потери, за молодостью приходит старость, а за старостью смерть. Рядом с миром и радостью труда соседствуют войны.

Может быть, на первый взгляд покажется странным, если поэзию, где столько светлых воспоминаний о детстве, столько мирных картин природы, столько ясных и мудрых размышлений, я назову поэзией воинствующей. И все-таки это именно так. Напряжение жизненных сил в стихах Десанки Максимович таково, что не может не вступить в противодействие со всем темным, печальным и страшным, что существует еще на земле. Как всякая настоя-